

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 131–156
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 131–156
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-131–156

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ У ДРЕВНЕЙШИХ ГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ. II. «АЗИЯ» ГЕКАТЕЯ И ДРУГИЕ РЕЛЕВАНТНЫЕ ТЕКСТЫ

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва; Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru*

Аннотация. Пространственная (спациальная) проблематика становится в последние десятилетия все более востребованной в науке об античности. «Пространственный модуль» был чрезвычайно важен, в частности, и для древнегреческих историков. Из последних нас здесь интересует их самая первая когорта – ранние ионийские историки поздней архаики и ранней классики, предшественники Геродота.

В данной статье продолжено рассмотрение пространственных категорий у Гекатея Милетского, для чего взята «Азия» – вторая книга его трактата «Описание Земли». Также привлечены данные из сохранившихся фрагментов некоторых других ранних историков – Харона Лампсакского, Дамаста Сигейского.

В архаическую эпоху ввиду бурного ритма перемен имело место, как ныне иногда выражаются, «пространственно-временное сжатие», что вело к изменениям в спациальных категориях. Новые реалии требовали осмысления, которое и было целью, в числе прочих авторов, для древнейших историков.

Ключевые слова: пространственные категории, античная Греция, древнейшие историки, география, Гекатей Милетский, «Описание Земли», «Азия», Харон, Дамаст

В предыдущей статье этого цикла¹ мы, рассмотрев вначале некоторые общие вопросы, имеющие отношение к данной теме, затем привели соответствующий материал (ряд сравнительно обширных фрагментов, содержащих прямую или косвенную информацию о пространственных представлениях) из «Европы» – первой части историко-географического трактата Гекатея Милетского «Описание Земли». Перейдем теперь ко второй части того же сочинения, носившей название «Азия» (иногда фигурирует в источниках как «Описание Азии», но это не вполне точная передача заголовка, связанная, видимо, с тем, что слово «описание» (*περίγησις*) фигурировало в общем заголовке труда).

Данные об авторе: Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках исследовательских проектов 18-09-00486 и 19-09-00022.

¹ Суриков 2019.

Повторим и подчеркнем, что данное произведение Гекатея включало (помимо введения) именно две книги. Данное обстоятельство, кстати, само по себе уже содержит определенные специальные (пространственные) нюансы. Из него напрямую вытекает, что Гекатей признавал наличие двух частей света, а впоследствии выделявшуюся третью – Ливию (Африку) еще не считал таковой, присоединяя ее к Азии. Это согласуется с тем, что еще для Геродота граница Европы и Азии проходила не по линии «восток – запад», как привычно для нас, а в основном по линии «север – юг». Во времена обоих историков эти части света мыслили примерно равными друг другу, причем одна как бы «нависала» над другой с севера. А это могло получаться только в том случае, если Ливия входит в Азию.

Правда, у некоторых позднейших авторов упоминается «Описание Ливии» Гекатея как текст, отличный от «Описания Азии». Приведем несколько примеров. Hecat. FGrHist. 1. 278 = Steph. Byz. s.v. Φοινικουῦσσαι: «Финикусы. Два острова в Ливийском заливе, близ Карфагена, как пишет Гекатей в “Описании Ливии” <...> Есть и город Финикусы у финикийцев, что в Сирии, как он сам же пишет в “Азии”». Hecat. FGrHist. 1. F309 = Steph. Byz. s.v. Ἐλένειον: «Гелений². Местность близ Каноба. Гекатей в “Описании Ливии”. Название жителя – гелениец». Hecat. FGrHist. 1. F314 = Steph. Byz. s.v. Κράμβουτις: «Крамбутис. Город в Египте. Гекатей в “Описании Ливии” <...> Геродиан же пишет “Крамботис”, через “ο”, с ударением на третьем слоге от конца, как “Аботис”». Hecat. FGrHist. 1. F320 = Steph. Byz. s.v. Ὀνειβάτις: «Онибатис. Город в Египте. Гекатей в “Описании Ливии”». Hecat. FGrHist. 1. F332 = Steph. Byz. s.v. Ψύλλοι καὶ Ψυλλικὸς κόλπος: «Псиллы и Псиллийский залив. В Ливийском заливе (ἐν τῷ Λυβικῷ κόλπῳ). Гекатей в “Описании Ливии”: “Псиллийский залив велик и глубок, плавание по нему – три дня (μέγας καὶ βαθύς, τριῶν ἡμερῶν πλοῦς)”».

Попутно обратим внимание на наличие во фрагменте, который был процитирован последним (он важен еще и тем, что в нем приводится дословная цитата из Гекатея; таких фрагментов не слишком много, и они особенно ценятся), эксплицитной специальной проблематики. Во-первых, упоминается «залив в заливе»; во-вторых, появляются пространственные категории μέγας, βαθύς; в-третьих, величина талассографического объекта³ измеряется днями плавания.

Можно было бы привести еще несколько фрагментов с формулировкой «Описание Ливии», но ничего нового они уже не принесут. Обратим внимание следует лишь на то, что подобная формулировка встречается, собственно, *только* у Стефана Византийского – и больше ни у кого. Стефан, как известно, является автором весьма поздним, работавшим на рубеже античности и средневековья. В принципе, конечно, можно допустить, что к тому времени александрийские филологи осуществили новое деление Гекатея трактата, отделив отдельную третью книгу. Но нам такое предположение кажется маловероятным.

Дело в том, что у Стефана попадаются ведь (тоже несколько раз) и формулировки типа «Мегаса. Как “Гераса”. Город в Ливии. Гекатей в “Описании Азии”: “Из него хлебоядцы и пахари”» (Hecat. FGrHist. 1. F335 = Steph. Byz. s.v. Μέγασα,

² В некоторых рукописях – «Елений». В любом случае ясно, что название местности увязывалось с пребыванием в Египте Елены (с Менелаем).

³ В связи с категорией талассографии см. Janni 2016, 21: «С самого начала греческая география в равной мере представляла собой и талассографию».

тоже с дословной цитатой из Гекатея). Из этого следует, что все-таки, видимо, в целом Стефаном ливийский материал в «Описании Земли» воспринимался как содержащийся в книге «Азия». Иными словами, ссылки на «Описание Ливии» у него не нужно считать ссылками на отдельную книгу. В качестве поясняющей параллели приведем фрагмент, дошедший через посредство того же Стефана.

Hec. FGrHist. 1. F305 = Steph. Byz. s.v. Χέμμις: «Хеммис. Город в Египте <...> Есть и остров Хембис, пишущийся с буквой “б”, в Бутах⁴, как говорит Гекатей в “Описании Египта”: “В Бутах близ святилища Лето⁵ есть остров под названием Хембис, посвященный Аполлону, а этот остров поднятый, он плавает и движется по воде (μεταρσίη καὶ περιπλεῖ καὶ κινέεται ἐπὶ τοῦ ὕδατος)”. Название островитянина – хеммит и хембиец».

Фрагмент очень интересный, в нем опять же присутствует дословная цитата (причем с неслитным ионийским написанием κινέεται, что доказывает ее аутентичность⁶), а речь идет о спациональном феномене плавающего острова. Но сейчас нам важно другое: Стефан ссылается на «Описание Египта» Гекатея (не только в этом месте, а и в ряде других, мы привели один пример в чисто иллюстративных целях).

Специального труда «Описание Египта» у Гекатея не было, равно как – и это сейчас для нас самое главное – и в отдельную книгу его географического сочинения рассказ о Египте уж точно никем не выделялся. Он, видимо, занимал достаточно значительное место в «Азии», второй книге труда (поездка автора в «страну пирамид» была в античности широко известна, топоним «Гекатей в Египте» имел большую популярность уже в эпоху Геродота⁷). А тем не менее формулировка ссылки – как бы на отдельную книгу – налицо. Причем вот как раз на «Описание Египта» ссылается не только Стефан, но и другой автор, еще более поздний – константинопольский патриарх Фотий («Афт – бог у египтян, как Исида и Тифон. Гекатей в “Описании Египта”», Hec. FGrHist. 1. F327 bis = Phot. Lex. α 3352⁸).

Итак, будем исходить из традиционного и, несомненно, верного представления о разделении «Описания Земли» на две книги и, соответственно, разделении гекатеевского мира на две части – Европу и Азию. Кстати, где милетский историк проводил между ними границу? Ясно, что через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Эгейское море, Черноморские проливы, Понт Евксинский... А дальше?

Этому интересному вопросу недавно посвятила специальную статью В.Т. Мусбахова⁹. В ней проблема трактуется в контексте эволюции общегреческих взглядов на локализацию этой границы. Не со всеми положениями автора мы можем вполне согласиться, но тем не менее теперь все дальнейшие научные разработки по проблеме должны учитывать и эту работу.

⁴ Некоторые издатели поправляют на «в Буто», что вернее: именно так назывался этот египетский город.

⁵ Лето (Латона) – в греческой мифологии мать Аполлона и Артемиды. Здесь, естественно, имеется в виду какая-то египетская богиня.

⁶ О диалекте Гекатея см.: Fowler 2013, 669–673.

⁷ Heidel 1987.

⁸ Этот фрагмент Якоби был неизвестен, добавлен в свод фрагментов Гекатея в: Fowler 2013, 681.

⁹ Мусбахова 2014.

Говоря в максимально обобщенном виде, ситуация, судя по всему, развивалась так. Изначально греки предполагали, что на крайнем востоке две части света разделяет река Фасис (Риони); именно такие представления отразились в мифе об аргонавтах. Затем эта роль перешла к Гипанису (Кубани) и, наконец, к Танаису (Дону), за которым и закрепилась. Правда, В.Т. Мусбахова считает, что в раннюю эпоху Фасисом называлась так река, которая потом стала Гипанисом, то есть Кубань, и только позднее топоним Фасис был перенесен на Риони. Но эта гипотеза влечет за собой ряд далеко идущих допущений, которые трудно согласовать с наличными фактами. В частности, поскольку Фасис в мифологии тесно связан с царством Ээта, то само это царство приходится локализовать «в бассейне Кубани»¹⁰. Это ровно ни из чего не следует. Царство Ээта помещалось все-таки в Колхиде, то есть к югу от Кавказского хребта, а не к северу от него. Либо надо искать (и вряд ли такой поиск увенчается успехом) какие-то доказательства в пользу того, что греки когда-либо понимали под Колхидой не Восточную Грузию, а некий иной регион.

Впрочем, в конце концов данный нюанс не столь уж принципиален. Важнее другое: какая река во времена Гекатей (и, соответственно, им самим) принималась за границу между Европой и Азией? Дон или еще Кубань (ясно, что в любом случае уже не Риони)? Ко времени деятельности Геродота вопрос был окончательно решен в пользу Дона, а вот о том, что это случилось уже при Гекатее, нельзя утверждать со всей категоричностью; неслучайно и В.Т. Мусбахова в данной связи выражается достаточно осторожно¹¹.

Вероятно, лучшим способом внести хотя бы какую-то определенность будет рассмотрение сохранившихся фрагментов, содержащих информацию по этой тематике. Одним из самых характерных (но и самых проблематичных, маловразумительных) среди них является следующий, не содержащий прямой цитаты из Гекатей (более того, имеющий стихотворную форму, в то время как Гекатей писал, естественно, прозой) и даже непонятную, к нему ли восходящую (Hecat. FGrHist. 1. F195 = Anon. Peripl. Pont. Eux. 49):

Там от меотов¹² имя получившее
Лежит затем болото Меотийское.
В него же Танаис

¹⁰ Мусбахова 2014, 93.

¹¹ «Сохранившиеся фрагменты “Землеописания”, хотя и не дают абсолютно ясной картины, свидетельствуют в основном [курсив наш – И.С.] в пользу Танаиса как границы материков...» (Мусбахова 2014, 83). Кстати, совершенно необязательно напрямую увязывать (как это делает В.Т. Мусбахова) данный вопрос с вопросом о том, считал ли Гекатей Каспийское море заливом Внешнего Океана.

¹² Меотами называли обширный и, судя по всему, неоднородный конгломерат племен, обитавших в регионах к югу и востоку от Азовского моря и со временем полностью покоренных правителями Боспора (последние в своей титулатуре с определенного момента именуются царями всех меотов). Насколько можно судить, например, по данным топонимики (часто фигурирует звуко сочетание *ps*, особенно в гидронимах), в языковом отношении меоты по большей части принадлежали к кавказской группе. Особой проблемой является этническая принадлежность синдов, которых то включают, то не включают в число меотов. Высказывались версии вплоть до такой, согласно которой синды – осколок древних индоариев.

Течет; начало от реки Аракса¹³ он
 Берет, как эретриец¹⁴ Гекатей писал,
 А по Эфору – он течет из озера,
 Чей край неведом. И имеет Танаис
 Два устья¹⁵: выход к Меотиде – первое,
 Второе же – к Боспору Киммерийскому.

Это так называемый перипл Псевдо-Арриана, в действительности составленный кем-то в позднеантичное или ранневизантийское время. Здесь неизвестным автором цитируется отрывок из той части стихотворного перипла Псевдо-Скимна, которая сохранилась только фрагментарно (Ps.-Scymn. 865–873 Müller). Отнесение данного пассажа к «Азии» (а не к «Европе») Гекатея представляется нам проблематичным (да и издатели труда Псевдо-Скимна обычно относят его к главе «Европа» его перипла); кажется, и сам Якоби не был в нем вполне уверен. Более того, он был не уверен (да и многие не уверены) даже в том, что в качестве источника здесь фигурирует именно Гекатей-милетянин, а не более поздний автор (см. выше прим. 14).

Однако есть несколько фрагментов, которые позволяют, кажется, внести несколько большую ясность. Приведем и их. Hecat. FGrHist. 1. F191 = Steph. Byz. s.v. Δανδαῖοι: «Дандарии¹⁶. Племя близ Кавказа, как пишет Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F192 = Steph. Byz. s.v. Τιπάνισσα: «Типаниссы¹⁷. Племя у Кавказа. Гекатей в “Европе”». Как нам представляется, из этих пассажей довольно ответственно можно делать вывод о том, что Танаис для Гекатея – не граница Европы и Азии. Ведь речь здесь идет о племенах, живших южнее Дона, в Прикубанье (в частности, дандарии относились к меотской группе), а в то же время они появляются в гекатеевой «Европе», а не в «Азии».

С другой стороны, та территория, которая ныне является Таманским полуостровом, Гекатеем причислялась уже к Азии. Об этом свидетельствуют два фрагмента. Hecat. FGrHist. 1. F211 = Steph. Byz. s.v. Ἀπάτουρον: «Апатур. Святилище Афродиты в Фанагории, Страбон в 11-й книге <...> А Гекатей знает залив Апатур в Азии». Hecat. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια: «Фанагория. Го-

¹³ Название «Аракс» в древности применялось к нескольким рекам Азии. Ясно, что здесь имеется в виду не та река, которая и поныне называется Араксом; это – приток Куры, текущий на восток, в сторону, противоположную Дону. Значительно вероятнее, что речь идет о том Араксе, который называли также Оксом, то есть о нынешней Амударье. В рассматриваемом пассаже как-то отразились представления, относящиеся к палеогеографической ситуации эпохи Геродота, когда уровень Каспийского моря (и, соответственно, его размеры) стоял на очень низкой отметке. Но налицо также и путаница. Так, ниже упоминается об озере, но ни Дон, ни какой-либо из его важнейших притоков не вытекает из крупного озера.

¹⁴ Испорченное место. Возможно, следует предпочесть эмendaцию, принимаемую Диллером и Маркоттом, – «геосец». Речь, очевидно, идет о Гекатее Абдерском, а Абдера являлась колонией Теоса. Гекатей Абдерский писал на рубеже IV–III вв. до н.э. Впрочем, действительно существовал и менее известный автор Гекатей Эретрийский, работавший примерно в то же время. Якоби, как видим, здесь все-таки склонен приписать данный фрагмент Гекатею Милетскому. Однако впоследствии он изменил свое мнение в пользу авторства Гекатея Абдерского.

¹⁵ Свидетельство о «двух устьях» Дона – тоже несомненное недоразумение. Возможно, за второе устье был принят какой-то из рукавов Кубани.

¹⁶ Дандарии фигурируют в титулатуре некоторых правителей Боспора IV в. до н.э. как племя, подвластное им.

¹⁷ Этноним в рукописях испорчен.

род, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (название склоняется по среднему роду¹⁸»).

Таким образом, выбор, судя по всему, следует делать в пользу Гипаниса-Кубани. Правда, и здесь необходимы некоторые оговорки. Дельта Кубани на протяжении веков сильно меняла свой вид и характер. Так, ныне наиболее полноводным из кубанских гирл является самое северное (т.н. Протока), а самое южное (т.н. Старая Кубань) совсем обмелело. В античности же локальные условия были совершенно иными и, помимо прочего, на месте Таманского полуострова находился большой остров¹⁹, который, как видим, Гекатеем воспринимался как тяготеющий к Азии.

* * *

Можно с уверенностью утверждать, что во второй книге «Описание Земли» достойного внимания специального материала больше, чем в первой (точнее, его сохранилось от второй книги больше, чем от первой). Имеет смысл его рассмотреть.

Hecat. FGrHist. 1. F196 = Epimer. Nom. Gram. An. Ox. I. 287, 28²⁰. «“Измерено” (μεμετρέαται)²¹: это по-ионийски. Ведь как вместо “обдуманы” – “обдуманно” и вместо “сохранены” – “сохранено”, так же вместо “измерены” (μεμέτρηνται) – “измерено” (μεμετρέαται) у Гекатея...²²: “Итак, мной измерено следующим образом Боспор, Понт, а также Геллеспонт (ὁ μὲν οὖν Βόσπορος καὶ ὁ Πόντος οὕτω καὶ ὁ Ἑλλήσποντος κατὰ ταῦτά μοι μεμετρέαται)”. И у Гиппонакта... “подвигнуто”; и Анакреонт... “отрублено”; и “наброшено”».

Здесь перед нами вновь дословная цитата из Гекатея (и тоже с диалектальной особенностью), в которой появляется важное понятие измерения пространств (в данном случае водных). Кстати, эта фраза имеет большое (хотя не дословное) сходство с одним пассажем у Геродота (Herod. IV. 86), что заставляет задуматься. Если не считать, что здесь под видом цитаты из Гекатея дана геродотовская (а это маловероятно, поскольку, повторим, полного текстового совпадения нет), то, получается, Геродот заимствовал данные об измерениях названных водных бассейнов у Гекатея?

Как мы указываем в другом месте²³, сам Геродот, вопреки тому, что он утверждает, лично не измерял и не мог измерять длину, во всяком случае, Черного моря в западно-восточном направлении, поскольку никогда не совершал сквозного плавания по его «длинной» стороне – ни по южной, ни по северной. Но если он

¹⁸ Причем во множественном числе.

¹⁹ Именно большой остров, а не архипелаг, как считали до относительно недавнего времени. См. к современному состоянию проблемы: Суриков 2013а.

²⁰ Источник, из которого взята цитата, – «Гомеровские эпимеризмы», анонимный византийский грамматический трактат (видимо, IX в.). Эпимеризм – разбор слова по составу.

²¹ В этом фрагменте мы пытаемся посылить передать неперебиваемую игру слов, имеющую место в греческом оригинале. Речь идет о том, что в ионийском диалекте μεμετρέαται вместо аттического μεμέτρηνται (аналогично и с окончаниями в далее приводимых примерах), что на первый взгляд может создать иллюзию формы третьего лица единственного числа, а не множественного.

²² Перед идушей далее цитатой из Гекатея Якоби предполагает лакуну.

²³ Суриков 2011, 288–290.

опирался на Гекатея, то резонно поставить вопрос: а измерял ли Понт милетянин, и если да, то как?

Здесь, правда, перед нами возникает проблема, порождаемая тем, что, если о путешествиях Геродота, о том, где он бывал в течение жизни, мы осведомлены достаточно детально²⁴, то о соответствующем аспекте деятельности Гекатея сведений почти нет. Строго говоря, доподлинно мы знаем только о вышеупомянутом посещении им Египта. Разумеется, Гекатей уж точно не был домоседом. Все говорит о нем как о типичном представителе ионийской интеллектуальной элиты, а этот слой вообще отличался чрезвычайно большой мобильностью. Гекатея отличали широта кругозора и большая эрудиция – эти качества, скорее всего, были им приобретены в ходе многочисленных странствий по миру.

Но одно дело странствовать, в том числе и с познавательными целями, а другое дело – заниматься в пути измерением расстояний; одно не предполагает другого с неизбежностью. Нам представляется более правомерным несколько иное решение проблемы, заключающееся в том, что милетский ученый провел измерения, о которых здесь идет речь, не «в натуре», а по карте – по своей знаменитой карте, создание которой является одной из главных его заслуг.

Для работы же над картой ее составителю, естественно, вовсе не требуется лично побывать во всех тех местах, которые на ней отображены. Тем более что свою карту Гекатей создавал не «с нуля»: он усовершенствовал предыдущую, принадлежащую Анаксимандру Милетскому. Приведем соответствующие свидетельства.

Agathem. I. 1 = Hecat. FGrHist. 1. T12a: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались». Schol. Dionys. Perieg. p. 428, 7 Muell. = Hecat. FGrHist. 1. T12b: «Кто прежде того изобразил на карте ойкумену? Первым – Анаксимандр, вторым – милетянин Гекатей, третьим – Демокрит, ученик Фалеса²⁵, четвертым – Евдокс». И нет никаких оснований сомневаться в том, что карте Анаксимандра Понт Евксинский и ведущие туда проливы уже присутствовали.

Обратимся к другим фрагментам «Азии», имеющим значение для интересующей нас пространственной проблематики. Hecat. FGrHist. 1. F197 = Ammian. Marcell. XXII. 8. 9–13: «Таким образом разделяясь и заканчиваясь соединением двух морей, теперь уже оно²⁶, становясь более спокойным, простирается подлинно морским простором, раскинувшись широко и далеко, доколе только достигает взгляд. Прибрежное плавание же по всему нему²⁷ – как если бы огибать остров – имеет протяженность в двадцать три тысячи стадиев, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птоломей²⁸ и другие скрупулезнейшие исследователи дел этого рода; образ моря, согласно всей географии²⁹, уподобляется скифскому луку с натяну-

²⁴ См. посвященную этому вопросу книгу: Lister 1979.

²⁵ Фалес здесь упомянут явно некстати. Если имеется в виду Демокрит Абдерский (а хронологическая последовательность перечисленных в свидетельстве авторов говорит именно об этом), то он был учеником Левкиппа, а Фалес жил гораздо раньше.

²⁶ Якоби здесь поясняет в скобках: “sc. mare Aegaeum”. Но, строго говоря, речь здесь идет о «стыке» Эгейского и Черного морей.

²⁷ А вот тут уже речь идет собственно о Черном море.

²⁸ Так у Аммиана. Речь идет, естественно, о Клавдии Птолемеи.

²⁹ Т.е. согласно всем представителям географической науки.

той тетивой (*speciem Scythici arcus, nervo coagmentati, geographiae totius adsensione formatur*) <...> А оконечности лука с обеих сторон образуют два узких Боспора, противоположных друг другу, – Фракийский и Киммерийский».

Здесь перед нами появляется знаменитый, столь популярный в античности образ Черного моря как скифского лука. Кем он, кстати, был впервые придуман? Думаем, на роль изобретателя столь запоминающейся метафоры может с наибольшим основанием претендовать именно Гекатей. В вышеприведенном пассаже фигурируют три имени, но два остальных – Эратосфен и Клавдий Птолемей – принадлежат авторам, заведомо намного более поздним, нежели милетянин.

Процитируем также несколько фрагментов, демонстрирующих большой интерес Гекатея к важной специальной категории границ. *Hecat. FGrHist. 1. F203 = Steph. Byz. s.v. Χάλυβες*: «Халибы. Племя близ Понта, у реки Фермодонта <...> А у Гекатея их название изменяется по второму склонению (*Χάλυβοι*)³⁰: «С халибами с юга граничат (*ὄμουρέουσι*) армяне»». *Hecat. FGrHist. 1. F204 = Steph. Byz. s.v. Χοιράδες*: «Херады. Город у моссинойков³¹. Гекатей в «Азии»³²: «А с тибаренами на восход солнца граничат (*ὄμουρέουσι*) моссинойки; у них же есть город Херады»». *Hecat. FGrHist. 1. F207 = Steph. Byz. s.v. Χοί*: «Хои. Племя близ бехиров. Гекатей в «Азии»: «А здесь и бехирская земля, соприкасаются же с ними хои». И еще раз: «До них – хои». И еще раз: «А с хоями граничат (*ὄμουρέουσι*) со стороны восхода солнца дизеры»».

Территориально эти фрагменты относятся к восточной части Малой Азии, являвшейся в античности регионом огромной этнической пестроты. Характерным образом Гекатей употребляет глагол *ὄμουρέω* (в ионийском написании *ὄμουρέω*), акцентирующий не момент деления границей, а, напротив, момент смежности, пространственной близости двух этносов.

Hecat. FGrHist. 1. F208 = Steph. Byz. s.v. Ἐρμώνασσα: «Гермонасса. Маленький остров в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет Периегет³³. А Скимн³⁴ называет его также Германией. Страбон в 7-й книге упоминает деревню Гермонакта. Менипп³⁵ же говорит о местечке (*χωρίον*) такого названия, принадлежащем Трапезунту, в «Перипле двух Понтов». Но Гекатей и Феопомп называют эту Гермонассу городом (*πόλιν*)».

По нашему мнению, эта малоазийская Гермонасса (которую не следует смешивать с более известной боспорской, нынешней Таманью) изначально была основана как полис (такая ситуация отражена у ранних авторов – Гекатея и Феопомпа), но со временем деградировала до комы на хоре Трапезунта (такая ситуация отражена у Мениппа, автора более позднего).

Кстати, именно потому, что у Гекатея в «Описании земли» постоянно упоминались разные города и употреблялся термин *πόλις*, – а при этом перед нами, подчеркнем, весьма ранний источник! – его свидетельства привлекли внимание

³⁰ Выше, в заголовке статьи этноним в плуралисе дан с окончанием третьего склонения.

³¹ Такое написание – поправка издателей, а в тексте Стефана – неточно: «мосинойки» и даже «мосиноки».

³² У Стефана ошибочно «в Европе»; Якоби поправляет.

³³ Дионисий Периегет.

³⁴ Скимн Хиосский, а не Псевдо-Скимн.

³⁵ Менипп Пергамский, географ I в. до н.э.

выдающегося антиковеда М. Хансена³⁶, когда тот во главе коллектива ученых занимался определением понятия «полис». Общее заключение к статье на эту тему ученый делает таким: «...Гекатей использовал термин “полис” таким же образом, как все остальные греческие авторы: даже несмотря на то, что это слово в “Описании” употреблялось в основном в значении города скорее, чем в значении города-государства, оно, кажется, в случае с эллинскими полисами применялось исключительно к общинам, которые были полисами в политическом смысле в той же мере, как и в урбанистическом»³⁷.

Несат. FGrHist. 1. F217 = Strab. XII. 3. 22: «А скепсиец³⁸, как кажется, не принимает его³⁹ мнение, равно как и мнение тех, кто помещает гализонов близ Палены <...> Равным образом он недоумевает и по поводу того, как кто-то может считать, что от кочевников, живших за Борисфеном, пришла военная помощь троянцам. Больше же всего он хвалит мнение Гекатея Милетского, Менекрата-элеата⁴⁰ (мужа из числа приятелей Ксенократа⁴¹) и Палефата⁴². Из них Гекатей в “Описании земли” говорит: “Около города Алазии – река Одрисс, которая, протекая через равнину Мигдонии с запада, из озера Даскилитида, впадает в Риндак⁴³”. Он говорит, что ныне Алазия опустела, а алазоны живут в многочисленных деревнях, мимо которых течет Одрисс; в них-де особенно почитается Аполлон, в наибольшей же степени – по границе с кизикийцами⁴⁴ [далее выпускаем часть пассажа, в которой речь идет не о Гекатее, а о других авторах, – И.С.] <...> Итак, что достойно похвалы в их суждениях? Помимо того, что и они изменяют древнее написание, они не показывают ни серебряных рудников, ни того, где в Мирлеагиде находится Алопа, ни того, каким образом пришедшие оттуда в Илион оказались пришедшими издалека, даже если допустить, что была какая-то Алопа или Алазия».

Здесь Страбон вступает в довольно запутанную дискуссию об упоминаемых Гомером гализонах (ализонах) и об их соотношении с алазонами, которых обычно локализовали в Скифии (примешивался тут еще и вопрос об амазонках – в связи с имеющим место созвучием). Из упоминаемых географом писателей самым ранним является Гекатей, который, как видим, связывает алазонов отнюдь не со Скифией, а с регионом, близким к Трое. Иными словами, он оказывается мыслящим более реалистично, чем, скажем, Эфор, который, не смущаясь пространствами и расстояниями, «приводил» троянцам союзников из далекого Северного Причерноморья.

³⁶ Hansen 1997.

³⁷ Hansen 1997, 27.

³⁸ Деметрий Скепсийский.

³⁹ Эфора.

⁴⁰ Историк IV в. до н.э.

⁴¹ Ксенократ Калхедонский (IV в. до н.э.) – видный философ-платоник, третий схолярх Академии.

⁴² Палефат – древнегреческий мифограф, время жизни которого с точностью не датируется (чаще его относят к IV в. до н.э.). В своем трактате «О невероятном» довел до логического предела методику рационалистической интерпретации мифов.

⁴³ Описываются территории на северо-западе Малой Азии, близ Геллеспонта.

⁴⁴ Т.е. с жителями Кизика – важного греческого города в Пропонтиде.

Hecat. FGrHist. 1. F291–292a = Athen. II. 70ab: «Артишок⁴⁵: Софокл в “Колхах” называет его кинарой⁴⁶, в “Фениксе” же пишет: “Песий терн заполонил всю ниву”. А Гекатей Милетский в “Описании Азии” <...> говорит так: “Вокруг моря, называемого Гирканским⁴⁷, высокие и густо поросшие лесом горы (οὐρεα ὑψηλὰ καὶ δασέα ὕλησιν), а на тех горах колючка-артишок”. И далее: “Землю к восходу солнца от парфян населяют хорасмии⁴⁸, у которых⁴⁹ есть и равнины, и горы (καὶ πεδία καὶ οὐρεα); на горах же имеются дикие деревья, колючка-артишок, выюнок, тамариск”». Hecat. FGrHist. 1. F299 = Steph. Byz. s.v. Ὀπίαι: «Опии. Индийское племя. Гекатей в “Азии”. “А среди них у реки Инда живут люди опии, там и царская стена⁵⁰ (τεῖχος βασιλῆον). До нее опии. От нее же – пустыня (ἐρημία) до индов”». В описании этих достаточно удаленных от Греции регионов Гекатей уделяет, как видим, серьезное внимание элементам ландшафта, а также особенностям растительности (но его ботанические познания могли бы стать предметом для отдельного исследования).

Hecat. FGrHist. 1. F345 = Steph. Byz. s.v. Δούλων πόλις: «Город рабов. Город в Ливии. Гекатей в “Описании”⁵¹. И если раб принесет камень в этот город, он становится свободным, даже если он чужеземец. Есть и другой город “Храмовых рабов” (Ἱεροδοῦλων), в котором только один человек свободен. Говорят, что есть и на Крите Дулополь⁵², в котором тысяча мужей <...> Есть и местечко Дулополь в Египте, как говорит Олимпиан⁵³». Если информацию о «Городе рабов», в котором рабы делаются свободными, действительно следует возводить к Гекатею, то наш автор оказывается, помимо всего прочего, еще и одним из самых ранних античных утопистов (или просто самым ранним?). Конечно, элементы утопии появляются уже у представителей эпоса – Гомера и Гесиода⁵⁴. Но под античной утопией в строгом смысле слова обычно понимается нечто иное – особый прозаический жанр, который начал формироваться, как считается, в IV в. до н.э. (в его складывание внесли вклад Платон, Феопомп и др.) и достиг расцвета в эпоху эллинизма (Евгемер, Ямбул). Эллинистические утопии локализуются, как правило, в отдаленных местах, и в этом отношении Гекатей, помещающий «Город рабов» в Ливии, тоже выступает предтечей, скажем, того же Евгемера.

Столь раннее появление прозаической утопии даже несколько смущает, так что, казалось бы, можно усомниться: не принадлежит ли данное свидетельство на самом деле Гекатею Абдерскому – тезке интересующего нас писателя? Этот Гекатей жил на рубеже периодов классики и эллинизма, и, кроме того, точно из-

⁴⁵ Это – один из вариантов понимания, о каком растении здесь идет речь. Допустимы и иные возможности, но, чтобы сделать правильный выбор, нужно быть профессиональным ботаником.

⁴⁶ Этимология – от греческого слова, обозначающего собаку.

⁴⁷ Каспийское море.

⁴⁸ Возможно и такое понимание текста: «Из числа парфян землю к восходу солнца населяют хорасмии». Но оно менее вероятно.

⁴⁹ Хорасмии – жители древней области Хорезм в дельте Амударьи.

⁵⁰ Видимо, возведенная персидскими царями (Дарием I?).

⁵¹ Далее Якоби видит лакуну и вообще не считает, что нижеследующая цитата – из Гекатея (а тем не менее все-таки ее приводит).

⁵² Т.е. «Город раба».

⁵³ Малоизвестный автор позднеантичного времени (видимо, IV в. н.э.).

⁵⁴ Фрейденберг 1990, 148.

вестно, что у него наличествовали утопические мотивы⁵⁵. Однако от подобного соблазнительного предположения приходится отказаться ввиду того, что Стефан дает ссылку не только на автора, но и на сочинение, а сочинением этим является «Описание Земли» – труд именно Гекатея Милетского, а не Гекатея Абдерского.

Есть, правда, один текст, который может быть представлен в качестве контраргумента. Приведем его. Athen. II. 70a = Hecat. FGrHist. 1. T15a: «А Гекатей Милетский в “Описании Азии”, если эта книга действительно принадлежит названному автору, – ведь Каллимах приписывает ее Несиоту...».

Перед нами весьма интересное и даже загадочное свидетельство. Практически не приходится сомневаться в том, что здесь имеется в виду Каллимах Киренский – величайший эллинистический поэт и, помимо прочего, выдающийся грамматик, один из основателей александрийской филологической школы. В громадной эрудиции этого автора сомневаться не приходится, но какому же «Несиоту» приписал он тут «Описание Азии» Гекатея? Историк по имени Несиот неизвестен (хотя был скульптор Несиот, они с Критием создали в Афинах в начале V в. до н.э. вторую группу «Тираноубийц»). С другой стороны, «несиот» ведь может быть понимаемо и как имя нарицательное – «островитянин». В таком случае это прозвище какого-то историка по имени Гекатей. Вторым по известности носителем этого имени после Гекатея Милетского, повторим, являлся Гекатей Абдерский (рубеж IV–III вв. до н.э). Но ни Абдера, ни ее метрополия Теос – не острова. Остается считать, что Каллимах думал о малоизвестном Гекатее Эретрийском (рубеж IV–III вв. до н.э), ибо Эретрия располагается на Эвбее, которая все-таки как бы остров (хотя, честно говоря, Эвбея – самый «сомнительный» остров в эллинском мире, пролив Еврип, отделяющий ее от материка, в самом узком месте не шире 30 метров, там уже в античности существовал мост, и уж кого-кого можно было назвать «островитянином», но не эвбейца. В любом случае сомнения в принадлежности «Описания Азии» (или просто «Азии») именно Гекатею Милетскому, высказывающиеся здесь, беспочвенны, ведь это вторая часть его «Описания Земли». И Стефан Византийский, как мы неоднократно видели выше, работал именно с этим трудом.

* * *

Самые пространные (и, безусловно, относящиеся к числу наиболее важных и интересных, в том числе и в том аспекте, которым мы здесь занимаемся) фрагменты «Описания Земли» относятся к Египту. Их особенность еще и в том, что некоторые из них содержатся у такого автора, как Геродот – с исторической точки зрения почти современник Гекатея. Понятно, что фрагмент более древнего писателя, передаваемый Геродотом, – это совсем не то, что фрагмент, передаваемый, скажем, Стефаном или каким-нибудь другим источником, отделенным от милетского историка целым тысячелетием. К сожалению, Геродот не цитирует Гекатея дословно, но это, в общем-то, и не в духе «отца истории».

Уже в античности существовала точка зрения, согласно которой Геродот в своем «египетском логосе» в очень большой степени опирался на сочинение Гекатея. Даже, пожалуй, в непростительно большой степени, будто бы занимаясь,

⁵⁵ Фрейденберг 1990, 163–164.

по сути, элементарным плагиатом. Наиболее откровенно эта мысль выражена в следующей цитате: «...Геродот во вторую книгу⁵⁶ многое дословно перенес из “Описания” Гекатея Милетского, немного переделав, о птице фениксе, о речном коне⁵⁷ и о ловле крокодилов...» (Porphyr. ap. Euseb. Praep. evang. X. 3. p. 466 B). В современной науке, впрочем, это мнение имеет лишь небольшое число адептов (хотя таковые все-таки есть⁵⁸). Никому, кроме самых крайних гиперкритиков, не придет в голову отрицать, что Геродот бывал в Египте лично и в описании страны опирался в первую очередь на собственные впечатления. Но точно так же несомненно и то, что трудом Гекатея он тоже пользовался в связи с египетским материалом.

Хорошо известно, что Геродот дает Египту весьма специфическую, даже уникальную пространственную характеристику⁵⁹, понимая его как своего рода «антипространство», где «все наоборот» – от природных феноменов до жизни людей⁶⁰. Приведем хрестоматийный пассаж (Herod. II. 35): «...Подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов». Можно ли предположить, что эту идею о Египте как «царстве абсолютно Иного» высказывал уже Гекатей, а галикарнаец в данном отношении выступил как его последователь? Это допустимо, но достаточного количества позитивных данных в пользу подобной гипотезы в нашем распоряжении все же нет.

К сожалению, самый знаменитый из «египетских» фрагментов Гекатея (Hecat. FGrHist. 1. F300 = Herod. 143–145) посвящен не пространственной, а темпоральной тематике: именно в нем идет речь о том, что милетский историк возводил свое происхождение в шестнадцатом поколении к богу, а египетские жрецы продемонстрировали ему всю абсурдность столь короткой родословной, показав ряд из 345 статуй, каждая из которых представляла одно человеческое поколение – а боги-де были до них. Однако есть у Гекатея и фрагменты, относящиеся к чисто пространственному феномену, причем такому, который не только он, но и едва ли не все греки считали главным, знаковым для Египта. Речь идет, разумеется, о Ниле⁶¹.

Hecat. FGrHist. 1. F301 = Arrian. Anab. V. 6. 5: «И Геродот, и Гекатей, прозаики, или если действительно сочинения о египетской земле принадлежат кому-то другому, а не Гекатею⁶², оба равным образом называют Египет даром реки⁶³, и у Геродота доказано недвусмысленными доводами, что так оно и есть». Сомнения в авторстве Гекатея, звучащие здесь, ранее нам уже встречались (исходили они в том числе и от такого эрудированного автора, как Каллимах), но основательными,

⁵⁶ Во вторую книгу «Истории», в которой и содержится «египетский логос».

⁵⁷ Гиппопотаме.

⁵⁸ Например: Heidel 1987.

⁵⁹ По теме «Египет у Геродота» написано очень много. См., например: Lloyd 2002; 2004; Vannicelli 2007; Schwab 2016; Nagu 2018. основополагающим остается фундаментальнейший трехтомный комментарий к «египетскому логосу»: Lloyd 1975–1988.

⁶⁰ В связи с Египтом как «географическим пространством Иного» см. Moers 2010.

⁶¹ О котором много пишет и Геродот: Wainwright 1953.

⁶² Слова «а не Гекатею» Якоби вслед за Дильсом предлагает исключить. В принципе на смысл это практически никак не влияет.

⁶³ Нила.

повторим, их считать нельзя. У Геродота тезис «Египет – дар Нила» обстоятельно аргументируется. Мы не знаем, насколько детально обсуждался он у Гекатея, но из приведенного свидетельства со всей очевидностью ясно, что, во всяком случае, обсуждался. А поскольку Гекатей писал раньше Геродота, то, стало быть, именно ему принадлежит приоритет в поднятии данной проблемы. Также оба автора интересовались занимательной проблемой истоков Нила, о чем свидетельствует дальнейшее.

Hecataei FGrHist. 1. F302a = Diod. I. 37: «Поскольку есть большое затруднение в вопросе о разливах реки⁶⁴, многие и из философов, и из историков⁶⁵ пытались объяснить их причины <...> Ведь такие, как Гелланик, Кадм, да еще Гекатей и все им подобные – они совершенно древние – склонялись к баснословным толкованиям <...> Вплоть до времени, когда пишется это повествование⁶⁶, никто еще не сказал, что он видел истоки Нила и место, от которого он берет начало своего течения, да даже и не доказал, что слышал о них от людей, которые их точно видели. Поэтому, коль скоро дело сводится к предположениям и вероятным догадкам, жрецы в Египте заявляют, что Нил берет начало из обтекающего вселенную океана, не говоря ничего здравого, а решая загадку другой загадкой». Непохоже, чтобы эта точка зрения имела хоть какое-то отношение к пресловутым «египетским жрецам», чей (чисто фиктивный) авторитет был столь силен в Элладе со времен Гекатея и Геродота. Конечно, она является чисто греческой. Из фрагмента, который мы приведем далее, будет видно, что данной точки зрения придерживался, в частности, и Гекатей.

Hecataei FGrHist. 1. F302c = Schol. Apoll. Rhod. IV. 259: «Гекатей же Милетский пишет, что они⁶⁷ из Фасиса прошли в Океан, затем оттуда в Нил, а из него в наше море». Из этого фрагмента, повторим, ясно, что именно Гекатей считал Нил (равно как и Фасис) вытекающим из Океана. Поэтому Якоби резонно включил в число фрагментов Гекатея (Hecataei FGrHist. 1. F302b) весьма известный пассаж Геродота (Herod. II. 19–23) на эту тему, несмотря на то, что имя милетского ученого в нем не фигурирует: «Ни о чем из этого я не был способен ничего узнать от египтян, когда я расспрашивал их, какая это сила у Нила, что он имеет свойства, противоположные свойствам остальных рек <...> Но некоторые из эллинов, желавшие быть знаменитыми мудрецами, высказали три мнения об этой воде. Из этих мнений два я даже не считал бы достойным упоминать, разве что хочу слегка обозначить их. Одно из них гласит, что причиной являются ветры этесии: они-де заставляют реку разливаться, препятствуя Нилу вытекать в море <...> Второе – еще более невежественно, чем вышеупомянутое и, так сказать, еще более удивительно; согласно ему, с Нилом так происходит потому, что он течет из Океана, а Океан обтекает всю землю <...> А тот, кто сказал об Океане, уводит свой рассказ в неизвестное и не

⁶⁴ Нила.

⁶⁵ Характерно, что философы (имеются в виду натурфилософы) и историки здесь сопоставлены. Историки в нашем современном понимании не занимаются, конечно, изысканиями естественнонаучного характера. В данном случае перед нами отзвук древнейшего понимания термина «история» как «исследование» (не принципиально, о чем именно). Это приближает нас, в частности, к пониманию того, что Гекатей был одновременно и историком, и географом (как и Геродот после него).

⁶⁶ «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского, откуда взят этот фрагмент.

⁶⁷ Аргонавты.

имеет доказательств: ибо лично я не знаю никакой реки Океана и считаю, что это название придумал Гомер или кто-нибудь из раньше него бывших поэтов и ввел в свою поэзию».

Геродот не называет автора последней гипотезы – того, «кто сказал об Океане». Но из вышеизложенного совершенно очевидно, что речь идет не о ком ином, как о Гекатее. Перед нами, кстати, лишнее доказательство того, что не везде, где «отец истории» опирался на Гекатея или полемизировал с ним, он упоминал его по имени. Чего, в принципе, и следовало бы ожидать, учитывая весьма специфичную манеру древнегреческих историков этой эпохи ссылаться на предшественников⁶⁸. Достаточно напомнить в параллель: Фукидид не мог не читать Геродота (а в детстве слушал отрывки из его «Истории» в исполнении самого автора), тем не менее не упоминает даже его⁶⁹, хотя в одном месте (Thuc. I. 20–21) явно полемизирует именно с ним под видом каких-то «логографов».

Еще один пример использования Геродотом в «египетском логосе» Гекатея без ссылки на него – рассказ об охоте на крокодилов, о гиппопотамах и о птице феникс (Herod. II. 70–73). Выше приводилось свидетельство (Porphyr. ap. Euseb. Praep. evang. X. 3. p. 466 B), согласно которому этот материал взят галикарнасцем именно из Гекатея. Поэтому и этот геродотовский пассаж Якоби с полным основанием включает в свод фрагментов Гекатея (Hecat. FGrHist. 1. F324b).

Но вернемся к фрагментам об истоках Нила. Итак, они дают основание констатировать важную, принципиальную черту пространственных представлений Гекатея: он верил в существование «мировой реки» Океана, извне окружающей сушу, разделенную на Европу и Азию. Более того, в его понимании некоторые из реальных рек (как те же Нил и Фасис) связывают этот Океан со средиземноморским бассейном. Это – концепция, характерная для архаической географической мысли, как хорошо показал в своих работах⁷⁰ А.В. Подосинов. Геродот же принадлежит уже к иной эпохе и во многом иной географической традиции⁷¹. Потому-то для него гекатеевская теория оказывается смехотворной.

* * *

Завершив разговор о Гекатее, обратимся теперь к другим представителям древнейшего греческого историописания. Говоря о них в аспекте пространственных представлений, сразу следует отметить, что в данном отношении они достаточно четко делятся на две группы, представленные, соответственно, теми, кто, подобно Гекатею, испытывал интерес не только к истории, но и к географии, и теми, кто такого интереса не испытывал.

Ко второй группе относятся, в частности, Акусилай, Ферекид Афинский и Гелланик. Они пристально исследовали прежде всего мифографию, а Акусилай, помимо нее, также вопросы теогонии и космогонии. Гелланик отличился еще и

⁶⁸ Эта манера остроумно и афористично охарактеризована в: Вен 2003, 11–18.

⁶⁹ Фукидид из предшественников ссылается (лишь однажды) только на Гелланика (Thuc. I. 97. 2), причем с единственной целью – подвергнуть коллегу критике, уличить в хронологических неточностях. См. к проблеме: Lendle 1968; Smart 1986.

⁷⁰ Итоговой из которых является: Подосинов 2015.

⁷¹ Литература о географических представлениях Геродота очень обширна. Отметим здесь только новейшую работу выдающегося исследователя (Bichler 2018), из справочного аппарата которой желающий легко почерпнет сведения о предыдущих.

своим значительным вкладом в хронологические штудии⁷². Считается (и, видимо, справедливо), что именно он первым в Греции (наряду с Гиппием Элидским) стал серьезно заниматься проблемами исторической хронологии⁷³. Таким образом, ему явно была ближе темпоральная тематика, чем спациональная.

Что же касается первой группы (которая по понятным причинам в данной статье имеет для нас большее значение), к ней можно причислить Харона Лампсакского и Дамаста Сигейского. Харон однозначно признается историком более ранним, нежели Геродот. Его творческая деятельность развертывалась, судя по всему, в первой половине V в. до н.э. В том, что он посвятил себя исследованию прошлого, несомненно, сказалось его происхождение из полиса, находящегося в зоне Черноморских проливов, близ легендарной Трои (в этом плане о нем можно сказать то же, что и о Дамасте, см. ниже).

Харон был плодовитым и разносторонним автором. Приведем следующее свидетельство о нем (Suid. s.v. *Χάρων* = Char. FGrHist. 262. T1): «Харон. Лампсакиец, сын Пифокла⁷⁴, родившийся⁷⁵ при первом Дарии, в 79-ю олимпиаду; а, скорее, он был во времена Персидских войн, в 75-ю олимпиаду⁷⁶. Историк; написал сочинения “Эфиопские дела”, “Персидские дела” в 2-х книгах, “Эллинские дела” в 4-х книгах, “О Лампсаке” в 2-х книгах, “Ливийские дела”, “Летописи⁷⁷ лампсакийцев” в 4-х книгах⁷⁸, “Пританы, или архонты⁷⁹, лакедемонян” (оно посвящено хронологии), “Основания городов” в 2-х книгах, “Критские дела” в 4-х книгах (в нем он говорит и о законах, установленных Миносом), “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”⁸⁰».

Однако значимость данного автора обуславливается отнюдь не только количеством и тематическим разнообразием сочинений. Хотя и этим тоже: обратим внимание, например, на тот факт, что он едва ли не первым обратился в прозе к ставшему затем столь популярным у эллинов жанру *κτίσεις* – рассказов (часто легендарного характера) о том, как основывались города (по большей части колонии)⁸¹. Полагают, что подобного рода сказания фигурировали уже в поэзии

⁷² См. об этом: Ruschenbusch 2003; Möller 2007.

⁷³ Р. Фаулер ставит вопрос, кому же все-таки принадлежит приоритет в данной сфере – Гелланику или Гиппию, – и приходит к выводу, что скорее Гелланику (Fowler 2013, 685–687). Фукидид, правда, критикует последнего именно за хронологические упущения, но это только потому, что сам он пошел по той же стезе еще дальше.

⁷⁴ Но Павсаний, автор более ранний, называет отца Харона Пифеем.

⁷⁵ Или «живший» (причастие *ὑερόμενος* здесь можно понять как в том, так и в другом смысле).

⁷⁶ Здесь налицо явная хронологическая путаница. Правление Дария I в Персии датируется 522–486 гг. до н.э. 79-я олимпиада – 464/463 – 461/460 гг. до н.э.; 75-я олимпиада – 480/479 – 477/476 гг. до н.э. На эту последнюю действительно пришлось «Персидские войны» в узком смысле (поход Ксеркса), а вот между правлением Дария и 79-й олимпиадой – ровно никакой корреляции. Возможно, понимать пассаж следует в том смысле, что Харон родился при Дарии I (а родился он, подчеркнем, как персидский подданный – в то время Лампсак контролировался Ахеменидами), известности же достиг в 79-ю олимпиаду.

⁷⁷ «Летописи» – исправление издателей, в «Суде» – «границы».

⁷⁸ Якоби считает, что этот труд тождествен «Летописям лампсакийцев».

⁷⁹ Слова «или архонты» Якоби предлагает убрать, так как, по его мнению, это не часть названия труда, а пояснение автора словаря.

⁸⁰ Название этого труда не раз озадачивало исследователей, вплоть до того, что отрицались его аутентичность или даже само существование (кстати, ни одного фрагмента от него не дошло). Что мог грек эпохи Харона рассказать о «местах, что за Геракловыми столпами»?

⁸¹ Об этом жанре см.: Schmid 1947.

эпохи архаики⁸², а уже к V в. до н.э., ко времени Харона, приобрели прозаический характер.

Главное, однако, в другом. Как ни мало сохранившихся фрагментов Харона (а их действительно немного), даже из них ясно видно, что перед нами действительно крупный представитель раннеклассического историописания. И, скажем шире, в целом раннеклассической словесности. По содержанию дошедшие фрагменты весьма разнообразны: здесь и изящная новелла в «геродотовском» духе о хитроумной стратегеме фракийского вождя против греческого города (Char. FGrHist. 262. F1), и подробно изложенная этимологическая легенда об основании Лампсака (Char. FGrHist. 262. F7), и чисто сказочный сюжет о нимфе-гамадриаде (Char. FGrHist. 262. F12), и отрывки сугубо информационного характера... Фрагмент об основании Лампсака (происходящий или из «Оснований городов», или, как считает Ф. Якоби⁸³, из другого трактата – «Летописи лампсакийцев») – один из наиболее интересных. Остановимся на нем подробнее и даже приведем целиком.

Char. FGrHist. 262. F7a = Plut. Mor. 255a–e: «Были братья-близнецы из Фокеи⁸⁴, из рода Кодридов (τοῦ Κωδριδῶν γένους)⁸⁵, – Фоб⁸⁶ и Блепс; из них Фоб первым бросился в море с Левкадских скал⁸⁷, как рассказал Харон Лампсакский. Он, обладая властью и царским авторитетом (ἔχων δὲ δύναμιν καὶ βασιλικὸν ἀξίωμα)⁸⁸, приплыл в Парий⁸⁹ по собственным делам. И, став другом и гостеприимцем (φίλος καὶ ξένος) Мандрону, царствовавшему над бебриками⁹⁰ (βασιλεύοντι Βεβρύκων), которых прозвали питиоесцами⁹¹, он оказал им помощь и воевал вместе с ними (ἐβοήθησε καὶ συμπολέμησεν αὐτοῖς), когда тех беспокоили соседи. А Мандрон оказал Фобу и многие другие знаки дружелюбия, когда тот отплывал, и, в том числе, пообещал отдать ему часть своей страны и города (μέρος τῆς τε χώρας καὶ τῆς πόλεως), если он пожелает прибыть в Питиоессу, взяв с собой фокейцев в качестве дополнительных поселенцев⁹² (ἐποίκους). Итак, Фоб, убедив сограждан (τοὺς πολίτας), послал вождем этих поселенцев (ἐποίκους) брата. И все им от Мандрона было, как они и ожидали, а они, получив

⁸² Dougherty 1994 (впрочем, со скептическим отношением к тезису, согласно которому в архаический период уже существовал специальный литературный жанр легенд об основании городов).

⁸³ Jacoby 1993, 4.

⁸⁴ Фокея – один из самых значимых городов материковой Ионии.

⁸⁵ Знаменитый древнегреческий аристократический род, ветвь Нелеидов из Пилоса. Основатель рода – Кодр, легендарный афинский царь. Согласно легендарной традиции (данные которой в этом случае, безусловно, в общей форме соответствуют действительности), некоторые из сыновей Кодра возглавили ионийскую колонизацию и основали эллинские города на восточном побережье Эгейского моря. Поэтому Кодриды зафиксированы и в ряде полисов Ионии.

⁸⁶ Вариант: Фокс.

⁸⁷ Знаменитая скала на острове Левкада у западных берегов Греции; с нее бросались те, кто страдал безнадежной любовью (например, источники часто называют в данной связи поэтессу Сапфо). Те, кому удалось выжить после прыжка, будто бы исцелялись от страсти.

⁸⁸ Поскольку вначале Кодриды были в Фокее (как и, например, в Милете, Эфесе) наследственными царями. К тому же Фоб (Фокс) был потомком ойкиста.

⁸⁹ Греческая колония на северо-западе Малой Азии, в Троаде.

⁹⁰ Фракийское (?) племя. Довольно часто упоминается в мифах о событиях «героической» эпохи (особенно в мифе об аргонавтах).

⁹¹ От упоминаемого чуть ниже города с названием Питиоесса («Сосновый»), распространенный топоним, иногда пишущийся как «Питиусса».

⁹² Именно так обычно понимают употребленный здесь термин «эпойки» (в отличие от «апоиков» – первоначальных колонистов).

от соседних варваров обильную прибыль как военную добычу, стали для бебриков вначале ненавистны, а потом и страшны⁹³. Итак, желая от них избавиться, Мандрона, мужа честного и справедливого к грекам, бебрики не сумели убедить, а вот когда он покинул их, они стали готовиться погубить фокейцев обманом. А дочь Мандрона Лампсака, еще девушка, узнала об этих кознях; и прежде всего она пыталась отвлечь от них своих друзей и родственников, объяснить им, что они посягают на ужасное и нечестивое дело, желая убить благодетелей и союзников (εὐεργέτας καὶ συμμάχους), которые к тому же теперь еще и сограждане (νῦν δὲ καὶ πολίτας). Но поскольку она не могла их убедить, то тайно предупредила эллинов об этих делах и посоветовала им остерегаться; а они, подготовив некое жертвоприношение и пир, вызвали питиоесцев в предместье, а сами разделились надвое, и одна их часть захватила стены, другая же перебила людей. Вот так-то овладев городом (τὴν πόλιν κατασχόντες), они и Мандрона призывали обратно, веля ему царствовать совместно с ними (συμβασιλεύειν τοῖς παρ' αὐτῶν), и Лампсаку, умершую от болезни, с пышностью похоронили в городе, а город назвали Лампсаком в ее честь. Поскольку же Мандрон, избегая подозрений в измене, отказался жить с ними, а жен и детей погибших пожелал вывезти к себе, то поселенцы охотно, без всяких обид, выслали их. И Лампсаке они вначале воздавали почести как героине, а позже постановили приносить ей жертвы как богине⁹⁴; и так они поныне приносят эти жертвы».

Перед нами блестящий (причем, повторим и подчеркнем, очень ранний!) образец колониального пространственного нарратива, причем с акцентом на противостояние эллинов и варваров. Как раз во времена, когда писал Харон, этот топос «эллины – варвары» начал складываться, но не достиг еще своей окончательной формы, в которой мы его находим, скажем, у Аристотеля, у которого знаки позитива и негатива уже неизбежно расставлены (эллины – «добро», варвары – «зло»). У Харона мы такого не найдем; в его сочинении, по всей видимости, господствовала такая же система представлений по данному вопросу, как у его современников Эсхила и Геродота. Варвары здесь (по крайней мере, какие-то из них) вполне способны на благородство⁹⁵. Да они еще не столь уж и четко отделены от греков: Мандрон и Лампсака носят имена, которые могут быть поняты как вполне греческие. Подчеркнем, что перед нами этиологическая легенда, объясняющая название города, но вряд ли имеющая реальные исторические корни⁹⁶.

Из других фрагментов Харона, имеющих специальный оттенок, отметим следующие. Char. FGrHist. 262. F3a = Athen. IX. 394e: «А Харон Лампсакский в “Персидских делах”, повествуя о Мардонии и персидском войске, погибшем у Афона, пишет, в частности, следующее: “И белые голубки тогда впервые появились у эллинов, а прежде их не было”». Речь идет о неудачном походе персов на Грецию в 492 г. до н.э., когда флот Мардония, двигаясь вдоль северного побережья Эгейского моря и огибая Афон, потерпел кораблекрушение. Во фрагменте приве-

⁹³ В целом весьма корректно рисуются отношения между прибывшими греческими поселенцами и местными жителями в период колонизации.

⁹⁴ В действительности, возможно, Лампсака с самого начала являлась туземным божеством, почитавшимся в регионе, где была основана эта греческая колония.

⁹⁵ Ср. Char. FGrHist. 262. F1, где варвар-фракиец Нарис оказывается хитроумнее греков Кардии и благодаря этому одерживает над ними победу.

⁹⁶ Ей придает, на наш взгляд, чрезмерно большое значение И. Малкин (Malkin 1985).

дена яркая, живая деталь о голубках. Харон, видимо, придавал ей символическое значение. Char. FGrHist. 262. F8 = Schol. Apoll. Rhod. II. 2: «Амик царствовал над бевриками, которые в те времена держали в своей власти и прибрежные, и другие части Вифинии. А некоторые из них поселились и в Лидии, в окрестностях Эфеса и Магнесии. Харон же говорит, что и страна лампсакийцев прежде называлась Беврикией из-за населивших ее бевриков. А род их исчез по причине случавшихся войн, подобно некоторым другим народам». Этот фрагмент тематически тесно примыкает к рассмотренному выше пассажи об основании Лампсака; не случайно в нем тоже фигурируют беврики. Char. FGrHist. 262. F10 = Plut. Mor. 861a–d (приводим часть фрагмента – только цитату из Харона без контекста): «Афиняне же, придя на помощь ионийцам, приплыли на двадцати триерах, пошли походом на Сарды и захватили все в Сардах и вокруг, кроме царской стены (χωρὶς τοῦ τεῖχους τοῦ βασιλείου). А сделав это, они возвратились в Милет». Описывается знаменитый эпизод Ионийского восстания 500–493 гг. до н.э., о котором хорошо известно и из Геродота (но Харон – автор более ранний). Когда повстанцы напали на Сарды, город оказался под их контролем почти весь, кроме акрополя, на котором укрылся персидский гарнизон. Стало быть, именно акрополь Сард у Харона характерным образом назван «царской стеной». Почему именно так – в честь персидских царей? Вряд ли. Сарды не входили в число их резиденций, да и их акрополь, естественно, не был создан персами, он существовал уже в лидийское время⁹⁷. Очевидно, уже тогда – при Крезе или даже раньше – он начал обозначаться греками как «царская стена», в честь царей Лидии.

Большое специальное значение представляет фрагмент, в котором речь идет о границах Троицы (Char. FGrHist. 262. F13). Поскольку в нем содержатся данные не только Харона, но и Дамаста, его мы приведем чуть ниже, в связи с этим последним. Другой фрагмент, отличающийся некоторой физиологичностью, характерен тем, что в нем пространственные образы наличествуют в символизме сновидений. Char. FGrHist. 262. F14 = Tertull. De an. 46: «Что Астиаг, повелитель мидян, который увидел во сне, что из мочевого пузыря его дочери Манданы, тогда еще девушки, было такое истечение, что затопило Азию, сообщает Геродот, равно как и о том, что в год после ее свадьбы ему приснилось, что у нее из тех же мест разрослась виноградная лоза по всей Азии. Это передает также Харон Лампсакский, автор более ранний, чем Геродот». А вот фрагмент, который имеет отношение к проливу Боспору Фракийскому (правда, Якоби относит его к сомнительным по причинам, которые будут обозначены далее). Char. FGrHist. 262. F16 = Scholl. Apoll. Rhod. II. 168: «История о Боспоре у древних рассказывается по-разному. Ведь, по словам Нимфида⁹⁸, Акарион повествует, что-де фригийцы, желая переплыть пролив⁹⁹, построили корабль, имевший на носу вырезанную фигуру – переднюю часть быка. А когда они переплыли, это море из-за внешнего вида судна было названо Боспором¹⁰⁰». «Акарион» – невозможное, явно искаженное имя автора. Среди предлагавшихся эмендаций – и «Харон»; конечно, это

⁹⁷ Pedley 1968.

⁹⁸ Нимфид из Гераклеи Понтийской – историк III в. до н.э.

⁹⁹ Фригийцы – народ фракийского происхождения; им действительно пришлось переправляться из Европы в Азию в районе Черноморских проливов.

¹⁰⁰ Т.е. «Бычьим (или коровьим) путем».

далеко не единственный возможный вариант, но достаточно вероятный. Харон, происходивший, напомним, из зоны Черноморских проливов, явно интересовался историей своего региона.

Практически несомненно, что именно к Харону восходит и следующий замечательный по живости и колориту рассказ о пограничной распре между Лампсаком и Парием – соседними городами в зоне проливов. Хотя имя Харона в нем не упоминается, Якоби уверенно включает его в число фрагментов этого историка, будучи убежден, что свидетельство взято из его труда «Летописи лампсакийцев». Char. FGrHist. 262. F17 = Polyae. VI. 24: «Лампсакийцы и парийцы, споря о границах их земли, договорились, как только запоют птицы, послать людей из каждого города навстречу друг другу; и где посланные встретятся, там быть границе между их землями. А когда они так решили, лампсакийцы уговорили некоторых из рыбаков в тех¹⁰¹ местах, чтобы они, когда увидят парийцев, проходящих мимо¹⁰², щедро клали рыбу в костер, совершали обильные возлияния вином, как бы принося жертву Посейдону, и позвали бы тех благоговейно почтить бога, приняв участие в возлияниях. Рыбаки так и сделали¹⁰³, а те, послушавшись рыбаков, вместе с ними ели и пили, пренебрегши важностью своего пути. Лампсакийцы же, поспешив, успели дойти до святилища Гермеса. А оно отстоит от Пария на семьдесят стадиев, а от Лампсака – на двести. С помощью этой хитрости лампсакийцы отрезали для себя у парийцев столько земли, установив пограничным знаком святилище Гермеса». Перед нами блестящий образчик исторической разработки специального топоса границы, который здесь, заметим, переходит в спационально-темпоральный¹⁰⁴, поскольку установление пространственной границы увязывается с решением определенной временной задачи, с которой лучше справляются лампсакийцы.

Дамаст же Сигейский работал несколько позже Харона. Он принадлежит к современникам Геродота и был, судя по всему, примерно одних лет с великим галикарнасцем или чуть моложе. Его называют учеником Гелланика Лесбосского, а этот последний родился на двенадцать лет раньше Геродота (Gell. XV. 23). В словаре «Суда» о Дамасте говорится следующее (Suid. s.v. Δαμάστῆς = Damast. FGrHist. 5. T1): «Дамаст. Сигейнин из Сигея, что в Троаде, сын Диоксиппа, живший ранее Пелопоннесских войн, современник Геродота, родом – из людей богатейших; историк. Написал он сочинения “О событиях в Элладе”, “О родителях и предках отправившихся походом на Илион” в двух книгах, “Перечень племен и городов”, “О поэтах и софистах” и многие другие. А был он учеником Гелланика».

Таким образом, по названиям известны четыре труда Дамаста. От них сохранилось совсем мало фрагментов, что прискорбно. Ведь даже из этих «жалких крох» можно заключить, что перед нами фигура немалого масштаба, серьезный и ответственный автор, отличавшийся, помимо прочего, интересом как к истории (в том числе в ее мифографо-генеалогической «ипостаси»), так и к географии; в данном отношении он, как и Харон, сродни Гекатею.

¹⁰¹ «Тех» – необходимая добавка издателей.

¹⁰² Эмэндация Якоби: в тексте – «проходя мимо», что явно неверно.

¹⁰³ «Так и сделали» – необходимая добавка издателей.

¹⁰⁴ О пересечении специальных и темпоральных категориях в древнегреческих нарративах см. Purves 2010.

На творчество Дамаста, несомненно, повлияло место, из которого он происходил. Историк был родом из Сигея в Троаде – пункта достаточно знаменитого. Именно в Сигее помещали «Стоянку кораблей», то есть лагерь ахейцев во время осады Трои. Весть этот регион, в том числе и Сигей, был буквально пропитан «троянской мифологией», столь хорошо знакомой грекам по гомеровскому эпосу. В конце VII – первой половине VI в. до н.э. за Сигей шла борьба между лесбосцами и афинянами, завершившаяся афинской победой при Писистрате.

«Троянская мифология», безусловно, присутствует во фрагментах Дамаста. Он, в частности, был одним из первых греческих авторов (наряду с Геллаником), упоминающих Рим, причем в связи с Энеем (Damast. FGrHist. 5. F3 = Dion. Hal. Ant. Rom. I. 72. 2). В том же «троянском» контексте следует трактовать и его рассуждения о границах Троады и Эолиды.

Этот пассаж обязательно следует здесь привести. Damast. FGrHist. 5. F9 = Strab. XIII. 1. 4 (= Char. FGrHist. 262. F13): «Однако, поскольку эолийцы рассеялись по всей стране, которую, как мы говорили, поэт¹⁰⁵ называет троянской, из тех, кто жил позже, одни именуют Эолидой ее всю, а другие – ее часть, и Троей – одни всю ее, а другие – часть, совершенно ни в чем не соглашаясь друг с другом. Ведь Гомер указывает начало Троады прямо у мест по Пропонтиде, от Эсепа¹⁰⁶; а Евдокс – от Приапа и Артаки¹⁰⁷ <...> изменяя ее границы¹⁰⁸ в меньшую сторону. Дамаст же еще сильнее сокращает ее, начиная от Пария; и, опять же, он продолжает ее до Лекта, а у других – иначе. Харон Лампсакский отнимает еще триста стадиев, начиная Троаду от Практия <...> а продлевает до Адрамиттия. А Скилак Кариандский¹⁰⁹ начинает ее от Абидоса; подобным же образом Эфор говорит, что Эолида простирается от Абидоса до Кимы, а у других – иначе».

Перед нами свидетельство кипевших в древнегреческой литературе с достаточно раннего времени острых споров чисто специального характера. Порождены они, в частности, тем, что в архаическую эпоху имели место колонизация и освоение Троады греками Эолиды. Поскольку два этих региона, находясь рядом, соприкасались до того тесно, что могли с какого-то момента начать восприниматься как единое целое, в действительности таковым не являясь, закономерно стал актуальным вопрос об их разграничении (как неоднократно отмечалось выше, в пространственных представлениях категория границы – одна из ключевых, если не самая ключевая).

Где тот или иной автор видел границы Троады и Эолиды (почему, скажем, Дамаст видел их так, а Харон – по-другому, а Скилак – еще иначе) – это, несомненно,

¹⁰⁵ Гомер.

¹⁰⁶ Название реки.

¹⁰⁷ В издании Р. Фаулера после слов «от Приапа до Артаки»: «местечка на острове кизикийцев, обращенного к Приапу». После слов «начиная Троаду от Практия»: «ведь таково расстояние от Пария до Практия».

¹⁰⁸ «Границы» – поправка издателей; у Страбона ошибочное «горы».

¹⁰⁹ Скилак Кариандский, живший в VI в. до н.э., упоминается еще Геродотом (Herod. IV. 44). Это достаточно известный представитель раннегреческой исторической и географической науки. Дошедший до нас перипл, связывавшийся в античности обычно с именем Скилака, а ныне фигурирующий в изданиях как «перипл Псевдо-Скилака», в его окончательном виде относится к IV в. до н.э.; кто на самом деле подготовил этот окончательный вариант – неизвестно. Тем не менее практически несомненно, что в него вошли (пусть даже в виде, в той или иной степени измененном) «куски» из подлинного сочинения Скилака.

зависело от каких-то злободневных факторов, действовавших в их время, в частности, от политического соперничества полисов. Детали этого соперничества от нас теперь уже ускользают. Впрочем, бросается в глаза, что исходным звеном «цепочки мнений» предстает здесь «Илиада» Гомера, в которой, кстати, Трояда имеет наибольшую величину, а последующие авторы ее уменьшают. Здесь перед нами, между прочим, аналогия с тем, как Гомер воспринимал соседний с Троей Геллеспонт. Для него это не только нынешний Дарданелльский пролив (как Геллеспонт понимали в более позднее время), но также и акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида – полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский)¹¹⁰.

Еще один интересный, сохранившийся от Дамаста фрагмент специального характера имеет отношение к проблеме гипербореев и Рипейских гор. *Damast. FGrHist. 5. F1 = Steph. Byz. s.v. Ὑπερβόρειοι*: «Гипербореи. Племя. Протарх¹¹¹ же говорит, что, дескать, Альпы были названы Рипейскими горами и все живущие за¹¹² Альпийскими горами именуется гиперборейями. А Антимах¹¹³ утверждает, что гипербореи тождественны аримаспам. Дамаст же в сочинении “О племенах” говорит, что выше скифов¹¹⁴ обитают исседоны, а еще выше этих последних – аримасы, а выше аримаспов – Рипейские горы, с которых дует борей, а снег с них никогда не сходит¹¹⁵. А за этими горами, по словам Дамаста, простираются земли гипербореев вплоть до противоположного моря¹¹⁶. Другие же говорят иначе. Гелланик пишет “гипербории”, с дифтонгом¹¹⁷».

Весь фигурирующий здесь дискурс возникает в результате рефлексии по поводу «скифского логоса» Геродота. А вот мнение Дамаста, которое тут тоже присутствует, кажется, этим дискурсом еще не затронуто и сохраняет элементы некой независимой ранней традиции.

Damast. FGrHist. 5. F8 = Strab. I. 3. 1: «И одним из его¹¹⁸ вздорных высказываний сам он¹¹⁹ называет то, что он принимает Аравийский залив за озеро, а Диотим, сын Стромбиха, возглавлявший посольство афинян, проплыл вверх по Кидну¹²⁰ от Киликии до реки Хоаспа, которая течет у Суз, и прибыл на сороковой день в Сузы, – это, дескать, ему¹²¹ рассказал сам Диотим. Затем он удивляется, как это возможно, что Кидн, пробившись через Евфрат и Тигр, протек в Хоасп». *Damast. FGrHist. 5. F10 = Strab. XIV. 6. 4*: «Почему же следует удивляться поэтам

¹¹⁰ В связи с пониманием Геллеспонта Гомером, а также с проблемами эолийской (и ионийской) колонизации этого региона сошлемся на свою большую статью: Суриков 2013б.

¹¹¹ Протарх из Тралл – географ I в. до н.э.

¹¹² Поправка издателей, у Стефана «под».

¹¹³ Некоторые издатели исправляют на «Каллимах». Антимах Колофонский – поэт классической эпохи. Его самое известное произведение – поэма «Лида». Каллимах Киренский – знаменитый эллинистический ученый поэт и филолог, работавший в Александрии.

¹¹⁴ «Выше» здесь и далее – в смысле «дальше от моря в глубь материка» (обычное греческое словоупотребление).

¹¹⁵ Поправка издателей, у Стефана «в снеге на них никогда недостатка нет».

¹¹⁶ Т.е., очевидно, северного моря, географически противоположного Средиземному.

¹¹⁷ Ὑπερβόρειοι, а не Ὑπερβόρειοι.

¹¹⁸ Дамаста.

¹¹⁹ Эратосфен.

¹²⁰ Река, впадающая в Средиземное море в Киликии.

¹²¹ Дамасту.

<...>¹²² сравнивая писания Дамаста, который приводит длину острова¹²³ с севера на юг, от Гиерокепии, как он говорит, до Клид¹²⁴? Нехорошо и у Эратосфена: ведь, упрекая того¹²⁵, он говорит, что Гиерокепия не с севера, а с юга. А она вовсе и не с юга, а с запада».

Эти два фрагмента опять же иллюстрируют интерес Дамаста к пространственным построениям, но, с другой стороны, показывают, что эти его построения были подчас произвольными и крайне уязвимыми, что и вызывает возмущение Страбона. Последний, кстати, относился к сигейскому историку весьма пренебрежительно: «Нехорошо поступает и Эратосфен, ибо он еще в большей мере упоминает людей, не заслуживающих упоминания, в чем-то опровергая их, в чем-то доверяя и пользуясь ими как свидетелями, – например, Дамастом и другими такого же рода <...> А тот, кто пользуется Дамастом как свидетелем, ничем не отличается от того, кто называет свидетелем Бергейца¹²⁶ или Евгемера Мессенского¹²⁷ и других, о которых сам Эратосфен говорит, порицая написанный ими вздор» (Strab. I. 3. 1 = Damast. FGrHist. 5. T7). Как вопиющая несуразность великим географом, например, расцениваются сведения Дамаста об азиатских реках, которым он придает направления, являющиеся физически невозможными.

* * *

Можно было бы рассмотреть еще «космогоническую пространственность» у Акусилая, но ограниченные рамки статьи уже не позволяют этого сделать. Вкратце отметим только, что Акусилай, как доказал Р. Фаулер, был первым и последним из историков, в чьем труде присутствовал раздел, посвященный теогонии. В дальнейшем такового не имелось ни у Гекатея, ни у Ферекида (вопреки тому, что считал Ф. Якоби).

В связи же с теогонией Акусилая следует сказать, что в силу общей специфики древнегреческой религии как «натуральной», выросшей из обожествления сил природы, любая теогония у эллинов была одновременно и космогонией. Последняя у Акусилая имеет черты как сходства, так и отличия от наиболее канонической – гесиодовской. И у поэта, и у историка первым началом выступает Хаос (являющийся, безусловно, пространственным понятием). А вот далее Гесиод называет происшедшие из Хаоса Гею-Землю, Тартар и Эрос (Hes. Theog. 116 sqq.), Акусилай же – иные стихии: Никту-Ночь и Эреб (Acusil. FGrHist. 2. F6b).

Подведем некоторые итоги. Архаическая эпоха древнегреческой истории была временем настолько динамичным, богатым переменами, что по отношению к ней в последние годы нередко применяют понятие «пространственно-временное сжатие», которое определяют как «процессы, настолько революционизирующие объективные качества пространства и времени, что мы вынуждены вно-

¹²² В издании Р. Фаулера после слов «удивляться поэтам»: «а особенно таким, у которых вся забота – о способе выражения».

¹²³ Кипра.

¹²⁴ «Ключей».

¹²⁵ Дамаста.

¹²⁶ Имеется в виду Антифан из Берги – географ III в. до н.э., имевший репутацию недобросовестного автора.

¹²⁷ Знаменитый эллинистический утопист, в псевдогеографическом сочинении придумавший страну Панхею.

сильные изменения, иногда довольно радикальные, в свои представления о мире»¹²⁸. Именно период архаики был для эллинов порой таких изменений, в том числе, как верно указано в цитате, и в специальных категориях, которые принимали во многом иной вид.

В частности, представлявшийся раньше обширным мир Эгеиды оказался лишь маленькой частичкой колоссальных пространств, открывшихся эллинам в ходе колонизации. Новые реалии требовали осмысления. Стали составляться первые карты; появился дискурс о материках и Океане; обострились пограничные споры, что привлекло внимание к самой категории границы. Все эти процессы в той или иной мере отразились у древнейших историков, которые ведь и сами были закономерным порождением той же бурной архаической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Вен, П. 2003: *Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении*. М.
- Мусбахова, В.Т. 2014: В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский. В кн.: Д.А. Мачинский (ред.), *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии*. СПб., 75–92.
- Подосинов, А.В. 2015: *Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи*. М.
- Суриков, И.Е. 2011: *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Суриков, И.Е. 2013а: Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском. *ВДИ* 1 (284), 167–176.
- Суриков, И.Е. 2013б: «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгеидой и Пропонтидой и его роль в античной истории). *ПИФК* 4 (42), 3–44.
- Суриков, И.Е. 2019: Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский, «Европа». *ПИФК* 3 (65), 53–71.
- Фрейденоберг, О.М. 1990: Утопия. *Вопросы философии* 5, 148–167.
- Bichler, R. 2018: Herodotus the Geographer. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 139–155.
- Dougherty, C. 1994: Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion. *JHS* 114, 35–46.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis*. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Heidel, W.A. 1987: *Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus*. Book II. New York–London.
- Jacoby, F. 1993: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist)*. Tl. 3: *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie)*. A. Autoren ueber verschiedene Staedte (Laender). Nr. 262–296. 3 Aufl. Leiden–New York–Köln.
- Janni, P. 2016: The Sea of the Greeks and Romans. In: S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.), *Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden–Boston, 21–42.

¹²⁸ Morris 2000, 260; Dougherty 2001, 5.

- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lister, R.P. 1979: *The Travels of Herodotus*. London.
- Lloyd, A.B. 1975–1988: *Herodotus*. Book II. Leiden.
- Lloyd, A.B. 2002: Egypt. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 415–435.
- Lloyd, A.B. 2004: Herodotus on Egypt and Ethiopia. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 43–52.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- Moers, G. 2010: The World and the Geography of Otherness in Pharaonic Egypt. In: K.A. Raaf-laub, R.J.A. Talbert (eds.), *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies*. Oxford, 169–181.
- Möller, A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Morris, I. 2000: *Archaeology as Cultural History*. Malden.
- Nagy, G. 2018: Herodotus on Queens and Courtesans of Egypt. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 109–122.
- Pedley, J.G. 1968: *Sardis in the Age of Croesus*. Norman.
- Purves, A.C. 2010: *Space and Time in Ancient Greek Narrative*. Cambridge.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85/1: 7–8.
- Schmid, P.B. 1947: *Studien zu griechischen Ktisissagen*. Freiburg.
- Schwab, A. 2016: The 'Rediscovery' of Egypt: Herodotus and his Account of Egypt in the *Voyage dans la Basse et la Haute-Égypte* (1802) by Vivant Denon. In: J. Priestley, V. Zali (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden–Boston, 254–277.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.
- Vannicelli, P. 2007: Herodotus' Egypt and the Foundations of Universal History. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 211–240.
- Wainwright, G.A. 1953: Herodotus II, 28 on the Sources of the Nile. *JHS* 73, 104–107.

REFERENCES

- Bichler, R. 2018: Herodotus the Geographer. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 139–155.
- Dougherty, C. 1994: Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion. *JHS* 114, 35–46.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Freydenberg, O.M. 1990: Utopiya [Utopia]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy] 5, 148–167.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis*. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Heidel, W.A. 1987: *Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus*. Book II. New York–London.
- Jacoby, F. 1993: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist)*. Tl. 3: *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie)*. A. Autoren ueber verschiedene Staedte (Laender). Nr. 262–296. 3 Aufl. Leiden–New York–Köln.

- Janni, P. 2016: The Sea of the Greeks and Romans. In: S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.), *Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden–Boston, 21–42.
- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lister, R.P. 1979: *The Travels of Herodotus*. London.
- Lloyd, A.B. 1975–1988: *Herodotus*. Book II. Leiden.
- Lloyd, A.B. 2002: Egypt. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 415–435.
- Lloyd, A.B. 2004: Herodotus on Egypt and Ethiopia. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 43–52.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- Moers, G. 2010: The World and the Geography of Otherness in Pharaonic Egypt. In: K.A. Raaf-laub, R.J.A. Talbert (eds.), *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies*. Oxford, 169–181.
- Möller, A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Morris, I. 2000: *Archaeology as Cultural History*. Malden.
- Musbakhova, V.T. 2014: V poiskakh granitsy mezhdu Evropoy i Aziey: Gekatey Miletskiy [In the search of the border between Europe and Asia: Hecataeus of Miletus]. In: D.A. Machinskiy (ed.), *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii severnoy Evrazii [Ladoga in the context of history and archaeology of the Northern Eurasia]*. Saint Petersburg, 75–92.
- Nagy, G. 2018: Herodotus on Queens and Courtesans of Egypt. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 109–122.
- Pedley, J.G. 1968: *Sardis in the Age of Croesus*. Norman.
- Podosinov, A.V. 2015: *Kuda plaval Odissey? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaiskoy epokhi [Where did Odysseus sail? On geographical notions of the Greeks of the Archaic period]*. Moscow.
- Purves, A.C. 2010: *Space and Time in Ancient Greek Narrative*. Cambridge.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85/1: 7–8.
- Schmid, P.B. 1947: *Studien zu griechischen Ktisissagen*. Freiburg.
- Schwab, A. 2016: The 'Rediscovery' of Egypt: Herodotus and his Account of Egypt in the *Voyage dans la Basse et la Haute-Égypte* (1802) by Vivant Denon. In: J. Priestley, V. Zali (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden–Boston, 254–277.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Essays on historical writing in Classical Greece]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2013a: Nekotorye soobrazheniya ob ischeznuvshem prolive Bospore Sindskom [Some considerations on an extinct strait, the Sindian Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1 (284), 167–176.
- Surikov, I.E. 2013b: "Gellespont burnotechnny" (Proliv mezhdu Egeidoy i Propontidoy i ego rol' v antichnoy istorii ["The rapidly flowing Hellespont" (The strait between the Aegean and the Propontis and its role in ancient history)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological and cultural studies]* 4 (42), 3–44.
- Surikov, I.E. 2019: Prostranstvennye kategorii u drevneishikh grecheskikh istorikov. I. Gekatey Miletskiy, "Europa" [The earliest Greek historians' spatial categories. I. Hecataeus of

-
- Miletus, “Europe”]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3 (65), 53–71.
- Vannicelli, P. 2007: Herodotus' Egypt and the Foundations of Universal History. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 211–240.
- Veyne, P. 2003: *Greki i mifologiya: vera ili neverie? Opyt o konstituiruyushchem voobrazhenii* [Greeks and mythology: belief or disbelief? An essay on the constituting imagination]. Moscow.
- Wainwright, G.A. 1953: Herodotus II, 28 on the Sources of the Nile. *JHS* 73, 104–107.

SPATIAL CATEGORIES IN THE EARLIEST GREEK HISTORIANS.
II. HECATAEUS' “ASIA” AND OTHER RELEVANT TEXTS

Igor E. Surikov

Institute of World History Russian Academy of Sciences, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Abstract. Spatial (that is connected with space) topic has been becoming during recent decades more and more urgent in Classical studies. “Spatial modus” was extremely significant, in particular, also for Ancient Greek historians. Of the latter, the author here is interested in their very first group – early Ionian historians of Late Archaic and Early Classical period, Herodotus' predecessors.

This article continues analysis of spatial categories in Hecataeus of Miletus, citing “Asia” – the second book of his treatise “The Description of the Earth”. Data are also taken from extant fragments of some other early historians – Charon of Lampsacus, Damastes of Sigeum.

During the Archaic period, because of the sharp rhythm of changes, there took place “space-time compression”, as it is sometimes rendered nowadays. That led to alterations in spatial categories. New realities demanded consideration, which was an aim for the earliest historians, among other authors.

Keywords: ncient Greece, the earliest historians, geography, Hecataeus of Miletus, “The Description of the Earth”, “Asia”, Charon, Damastes, spatial categories
